

Елена
Бриолле

ТАНЕЦ ФАВНА

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б87

Редактор серии *Екатерина Ирмеш*
Оформление серии *Анастасии Зининой*
При участии «Антон Чиж Book Producing Agency»

Бриолле, Елена.
Б87 Танец фавна / Елена Бриолле. — Москва :
Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-181048-1

Накануне главной премьеры «русского сезона» в Париже случается страшное — убит танцовщик. Кто-то застрелил молодого человека, приняв его за Вацлава Нижинского. Но кому мог помешать талантливый артист балета? Дягилев обращается к Габриэлю Ленуару, агенту парижской префектуры полиции, чтобы он расследовал это дело втайне от публики. Однако кто-то очень хочет, чтобы премьеры сорвалась, а Нижинский пострадал...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181048-1

© Бриолле Е., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Я все еще слышу гром аплодисментов, снова и снова вижу этого вымазанного гримом юношу — вот он стоит, весь в поту, и хрипит, держась одной рукою за сердце, а другой за край декорации, а то и просто бессильно обвис на стуле. Сейчас его обрызгают водой, отхлещут по щекам, встряхнут — и он снова выйдет на сцену, приветствуя зал улыбкой.

Жан Кокто

КОШКИ-МЫШКИ

Париж, ночь накануне 29 мая 1912 года

Париж — город, в котором все хотели жить и никто не хотел умирать. Здесь каждый камень дышал смертью. Любители прекрасного предпочитали называть ее «историей», но Габриэль Лемуар не питал иллюзий. Там, где много истории, нет места для молодых.

Или есть? Лемуар перепрыгнул через выбоину на набережной Орфевр и посмотрел на Сену. Вода в реке волновалась, как Николь, идущая рядом. Журналистка из газеты *Le Petit Parisien* была такой же живой и непредсказуемой, как парижская река. Она могла выйти из берегов, подобно Сене, и затопить собой весь мир. Мир Лемуара.

Николь беспечно болтала о завтрашнем спектакле в театре «Шатле». Лемуар пригладил свои пышные черные усы и прижал девушку поближе. Николь пробудила в нем надежду, что жизнь хоть на краткий миг может победить холод вековых парижских камней. И пусть он не любит театр, завтра Лемуар наденет свой лучший фрак и пойдет с Николь на премьеру спектакля. Он снова заживет нормальной жизнью. Где будет молодость и тепло близкого человека.

У входа на улицу Дофина их встретила ночь. Обычно по этой узкой улочке возвращались домой только местные жители. Тусклый свет газового фонаря отражался в глазах затаившихся бездомных котов. Николь невольно поежилась от порыва ветра. Лемуар накинул на плечи своей спутницы платок — в руке отозвалась боль от недавнего ранения.

А потом они шагнули во тьму, и Лемуар услышал, как сзади по неровным камням мостовой стукнули чьи-то каблуки.

— Только приходи вовремя, я выпросила билеты через своего главного редактора. Если опоздаем, билетов мне больше не дадут. Там завтра будет весь Париж, — звенел рядом голос журналистки. Но было что-то еще. Лемуар закрыл на секунду глаза. Шаги сзади стучали так же, как туфли Николь. Ток-так, ток-так...

На узкой пустынной улице цоканье каблуков звонко взлетает до последнего этажа зданий. Странно. У всех людей разная поступь. Никто не будет идти за прохожим, подстраиваясь под его темп. Если только это не... Лемуар резко остановился. Тишина.

Николь с удивлением на него посмотрела.

— Что с тобой?

Лемуар обернулся. Никого нет. Ему почудилось? Они пошли дальше. В этой части улицы сильно воняло мочой и мертвыми крысами.

— Ток-так, ток-так...

Нет, Лемуару не показалось: за ними действительно кто-то шел. И у этого человека было необыкновенное чувство ритма.

На перекрестке Лемуар подтолкнул Николь, чтобы скорее повернуть за угол.

— Что ты де... — не успела девушка опомниться, как сыщик закрыл ей рот рукой и жестом показал: «Продолжай идти дальше». Николь вытаращила на него глаза.

— Иди вперед! Быстрее!

Девушка в растерянности пошла по улице Пон-де-Лоді. Идущий за ними человек должен был слышать удаляющиеся шаги.

— Ток-так, ток-так...

Он уже близко. Оружия у Лемуара с собой не было, поэтому свободной рукой он схватил чугунный ключ

от своих комнат, оставляя прорезной конец выступать на пару сантиметров наружу.

Человек вышел из-за угла и посмотрел вслед Николь. В этот момент от стены отделилась черная тень Ленуара.

— Зачем вы следите за мной, мадемуазель? — произнес он низким голосом.

Перед ним стояла растерянная девушка с пухлыми губами. От неожиданности она замерла, и ее губы приоткрылись. Где-то наверху хозяин комнаты с мансардой громко захлопнул ставни окна.

— Объяснитесь, я жду, — Ленуар не любил долго играть в кошки-мышки. Особенно когда хвостик у мышки уже прижат мышеловкой.

— Габриэль? Кто это?.. — спросила из-за спины Николь.

— Это не имеет значения, мадам, — ответила незнакомка. — Если вы не возражаете, я бы хотела поговорить с вашим спутником наедине.

— С какой стати вы хотите поговорить с ним сейчас, ночью? — Николь, как властная царица Востока, взяла сыщика под локоть и добавила: — Габриэль, кто это? Скажи ей, чтобы пришла к тебе завтра в официальные часы приема.

— Нет. Я не могу так долго ждать. Мне нужно понять, что делать дальше, — сказала девушка. При этом она, смутившись, опустила руку себе на живот и отвела глаза.

— Она ждет от тебя ребенка?! — с искренним изумлением спросила Николь.

— Ребенка? От меня? — удивился Ленуар. Ночная встреча начинала походить на фарс. — Если дело действительно важное и конфиденциальное, объясните мне, что случилось, и сейчас же.

Девушка закрыла глаза и, собираясь с духом, кивнула. Глаза же Николь, наоборот, округлились.

— Вы Габриэль Ленуар? — спросила незнакомка.
— Что вы хотели мне рассказать? — начинал злиться Ленуар.

— Это вы или нет?

— Я.

Девушка с облегчением вздохнула и поправила ворот своего летнего манто.

— Значит, я не ошиблась. Мне посоветовал обратиться к вам один художник, Александр Мансуров. Мена зовут Бронислава Нижинская, и я хотела поговорить с вами по поводу моего брата.

— Вы сестра Вацлава Нижинского?! — спросила Николь. Услышав это имя, девушка тут же преобразилась. В ее глазах сверкнуло животное любопытство.

Габриэль с тоской посмотрел на свои часы. В нем начинала закипать кровь.

— Кто это? Он кого-то убил?

Нижинская мелко затряслась, словно подул холодный ветер.

— Мой брат — не убийца!

— А кто он?

— Он гений. Гений танца.

— Вы из-за этого за нами шли? Чтобы сообщить мне, как любите своего брата? — в голосе Ленуара зазвенел металл.

— Габриэль, завтра мы пойдем в театр на его спектакль. Нижинский — звезда русского балета, — зашептала Николь.

— Да, то есть... В общем, я хотела сказать вам, что... — с трудом подбирала слова Нижинская, — моему брату угрожает опасность. Ваца с Сергеем Павловичем остановились в отеле, куда сегодня приехал один из танцовщиков труппы, и...

— И что? — не выдерживал больше Ленуар.

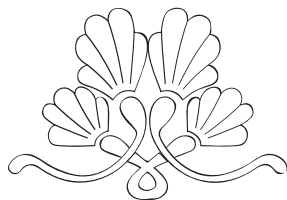
Бронислава Нижинская подняла руки к его лицу. Ладони девушки отливали черным цветом.

— Моего брата хотят убить, — тихо сказала Бронислава Нижинская.

Сыщик замер на перекрестке. Дома его ждала постель. Рядом стояла Николь. Еще несколько минут назад она была такой близкой, а теперь глаза журналистки ярко загорелись огнем чужой истории. Надежды на спокойную ночь рухнули.

— Мадемуазель Нижинская, вы правильно сделали, что обратились к Габ... к мсье Лемуару. Мы вам поможем, — сказала Николь.

На последнем этаже соседнего здания кто-то снова хлопнул ставнями. Краем глаза Габриэль Лемуар уловил движение. В сторону улицы Пон-де-Лоди быстро метнулась крыса. Почти с такой же скоростью за ней мчался черный кот. Мышеловка захлопнулась. Только теперь агент бригады краж и убийств парижской префектуры полиции угодил в нее сам.

Глаза звериного бога

Париж, 29 мая 1912 г., среда

В балетной труппе его прозвали Чумой. Какую роль ни дай — он ею заразится, а потом заразит всех артистов, гримеров, осветителей, реквизиторов и даже капельдинера. Ему это прощали. Ему все прощали, потому что Чума заражал своими танцами зрителей. На сцене он полностью перевоплощался в своего персонажа. Каждый жест, каждый изгиб руки, каждый прыжок Чума репетировал как сумасшедший. Как все танцовщики, которых Сергей Павлович брал в свою антрепризу.

Сегодня Чума был в Париже, и лучи майского солнца казались артисту настоящими лучами славы. Дягилев его выбрал, а значит, впереди новые спектакли в Монте-Карло, в Италии, в Англии... Настал конец их скромной жизни с матерью и сестрой. Сколько они пережили, пока Чума учился в Императорском Санкт-Петербургском театральном училище! И вот он здесь, в самом центре мира искусств, в центре французской столицы, перед театром «Шатле», где сегодня будут показаны четыре спектакля «Русского сезона».

Молодой танцовщик поправил волосы, подошел к двери и представился. Охранник его пропустил. Фух, как жарко! У входа, кроме французов, никого не было. Чума поднялся на второй этаж и заглянул в зал. Оркестр репетировал музыку Гана из «Синего бога». Артисты уже собрались на сцене и слушали указания главного хореографа дягилевской антрепризы Михаила Фокина. Сам Дягилев чинно сидел в партере с груп-

пой приглашенных гостей, без которых не обходилась ни одна репетиция. Французские критики, журналисты и неугомонный Жан Кокто.

Чума улыбнулся. Он всегда так улыбался, когда задумывал проказу. Вот Дягилев удивится! И какую физиономию скорчит его верный старик Василий! А Броня наверняка снова испугается. Вот выйдет потеха!

Артист поправил цветок в нагрудном кармане и, оглядевшись, быстро подошел к элеватору. Да благословенны будут эти железные машины современных театров! Так он поднимется, не привлекая к себе лишнего внимания. А если сегодня все получится, то за один вечер Чума поднимется на самую вершину театрального Парнаса.

На двери уборной было написано Nijinsky. Чума вошел, вытащил из своей брезентовой сумки старую прямоугольную коробочку с гримом и прислушался. Внизу звучала музыка Гана, за окном шумел город.

Василий уже приготовил костюм для премьеры. Чума поспешно сбросил с себя одежду, надел трико и начал гримироваться. Они запомнят этот день надолго. Черным от грима пальцем артист покрасил веки, подвел брови... Нижинский сегодня представит настоящего Фавна. Публика заразится его танцем. Чума хмыкнул и водрузил на голову сделанные по специальному заказу Бакста рога. Образ готов!

Танцовщик мягко вскочил на пол и сложил руки так, словно принимал в дар гроздь спелого винограда. Музыка стихла. Чума по-звериному повернул голову в сторону двери. Никого.

Чума сделал несколько па перед зеркалом и вздохнул. Деревянные половицы паркета нещадно скрипели. Это тебе не сцена.

Но что там за темное пятнышко у вазы? Краска от грима? Артист поскреб ногтем пол и понюхал. Пахло жвачкой. Наверное, костюмерша уколола палец

иголкой... Или капельдинер поцарапал руку о шипы роз, когда заносил букеты цветов... Чужих цветов...

От этих мыслей танцовщика затошнило. Еще пару минут назад ему казалось, что трико прекрасно обтягивало тело. Теперь черные пятна костюма расплывались, умножались и устремлялись от ног к горлу. Танцовщик оперся было на зеркало, но холод стекла так быстро пробрался от пальцев до самых кончиков волос, что он отдернул руку.

В коридоре что-то щелкнуло, и в уборной погас свет. Вероятно, очередное замыкание. Такое иногда случается, ничего удивительного. Артист вышел в коридор и повернул штепсель на стене. Люстра снова загорелась. Он вернулся. Все выглядело так же. Шкаф, стул, кисточки на туалетном столике... Только теперь со стены напротив на него смотрели черные глаза Фавна. Рога бога качнулись, и артист невольно вздрогнул. Что за наваждение! Это же просто зеркало! Он снова устроился за туалетным столиком и решил поправить грим.

В коридоре скрипнул пол. Кто-то подошел к двери. Чума выпрямился. Судя по шагам, это Дягилев! Или Василий... Танцовщик встал перед зеркалом в позу Фавна и приготовился сыграть со стариком шутку.

Внизу снова зазвучала музыка. Танец служителей из «Синего бога». Значит, репетиция продолжается. Литавры заиграли тот же мотив: «Пам! Пам! Пам!» Никто не заходил. Танцовщик снова посмотрел на себя в зеркало и подул. Стекло запотело. Артист нарисовал на нем круг и поставил в центре точку.

— Нижинский? — раздался голос из-за двери.

Танцовщик расплылся в звериной улыбке и ответил:

— Да.

Дверь медленно отворилась. Нет, это не Василий... Василий обычно не задерживается у входа. В центре

нарисованного круга появилось дуло револьвера. Артист решил, что ему кажется. Должно быть, это игра света и тени.

Литавры снова застучали: «Пам! Пам!..» В унисон с третьим ударом раздался выстрел. Падая на пол, танцовщик подумал, что паркет театральной уборной снова запачкается.

